

ЧТЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА

Александр Михайловский,
Алексей Романов

Проблемы перевода смыслов в статье Мартина Хайдеггера «Учение Платона об истине»

В субботу, после состоявшихся III Чтений гуманитарного семинара «Политическая теология Эрнста Юнгера (на материале «Рабочего», 1932)», в Старой Риге, в уютной квартире нашего американского коллеги, антрополога Александра Беляева состоялась ставший уже традиционным для общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS специальный семинар, посвященный на сей раз «Проблеме перевода смыслов в статье Мартина Хайдеггера «Учение Платона об истине». Его участниками стали: доцент факультета философии Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) Александр Михайловский, посвятивший себя в том числе и переводам Хайдеггера, и платонист, докторант РГГУ Алексей Романов. Вольными слушателями были: хозяин квартиры — Александр Беляев, а также журналист Игорь Ватолин и руководитель Гуманитарного семинара Сергей Мазур.

А. Михайловский: Я должен сразу сказать, как устроен этот текст. Был он опубликован в сборнике Wegmarken в 1967 году, то есть очень поздно, меньше чем за 10 лет до смерти, но в основе этого текста, в основе этой публикации лежит семинар Хайдеггера, который он читал в зимнем семестре 1930–31 годов, т.е. этот текст в основе своей очень ранний, 1930–1931 год. В сборнике Wegmarken, который в переводе с немецкого называется «Путевые знаки», он занимает с 203 по 238 страницу и открывается греческим текстом. Здесь опубликован фрагмент из седьмой книги *Государства* Платона с 514а до 517а. Насколько я понимаю по изданию Burnet'a, дальше идет перевод Хайдеггера, то есть он дан параллельно, это билингва, и дальше уже со страницы 213 немецкого издания начинается его интерпретация. Хайдеггер сам оговаривает то, что он прибегает к поясняющим скобкам, то есть это перевод-толкование, то есть метод работы, который Хайдеггер избрал для себя и в отношении досократических философов в том

числе, и в отношении таких немецких поэтов, как Гельдерлин. Хайдеггер читал Гельдерлина и переводил Гельдерлина с поэтического на философско-немецкий.

С точки зрения классической филологии, этот перевод очень произвольный. Там, где Платон говорит по-гречески о том, что образование, *paideia*, есть поворот всей души, Хайдеггер говорит, что это «руководство к изменению всего человека в его существе». То есть это уже довольно сильная, интересная интерпретация — переводить *псюхе* как существо. Хотя она не беспочвенна, к этому можно и не придирайтесь, но тем не менее очевидно, что это перевод-интерпретация.

С. Мазур: Александр, а скажите, до Хайдеггера, естественно, Платон уже был переведен?

А. Михайловский: Ну, естественно. Первый самый известный перевод — это перевод Фридриха Шлейермахера, он перевел почти всего Платона за исключением диалога *Тимей*. Он был выполнен в духе герменевтики, то есть Шлейермахер исходил из того, что переводчик должен возвыситься до уровня автора, погрузиться в него дивинационным способом и понять автора лучше, чем тот понимал себя сам. Это основной принцип классической герменевтики, как он был артикулирован Шлейермахером. Хайдеггер в этом смысле представляет, как бы мы сказали вместе с Гадамером, уже философскую герменевтику, он достаточно далек от Шлейермахера. Для него важно не понять автора лучше, чем тот понимал сам, не реконструировать духовный мир Платона, но приблизиться к тому, что феноменологи называют существом дела, *die Sache selbst*. То есть Хайдеггер исходит из того, что Платон может быть осовременен, что Платона можно и нужно читать из современной ситуации, ситуации *hic et nunc*, более того, воспринимать Платона как своего современника, а всю его проблематику как чрезвычайно современную. Почему? Потому что и Платон, и современный читатель заняты одним и тем же делом — то есть для Хайдеггера речь идет о существовании истины. В этом смысле он не озабочен тем, чтобы реконструиро-

вать духовно-исторический контекст, чтобы понять Платона из взаимосвязи всех его диалогов — хотя вначале он говорит: чтобы понять Платона, необходимо проговорить все его диалоги, но потом он отказывается от этого. Он говорит, что это невозможно сделать, то есть повторить подвиг Шлейермахера невозможно, да, может быть, и не нужно, оттого мы должны сосредоточиться на этой самой Sache, которая есть не что иное как определение существа истины. То есть это такой неклассический герменевтический подход. Нам нужно понять нерв самого Хайдеггера.

А. Романов: Маленькое уточнение. Дело в том, что при Хайдеггере уже существовала развитая платонистика. Я имею в виду прежде всего Cornford'a и Taylor'a — это англичане, я их просто больше знаю. Но поскольку они были наследниками немцев, то разница невелика. Дело-то в том, что Хайдеггер вообще не занимается платонистикой. И когда он говорит, что надо читать всего Платона, но мы вот ограничимся только этим фрагментом — это не то, чтобы не имеет отношения к платонистике... То есть можно читать и всего Платона, но это вовсе не обязательно, поскольку непосредственно именно как весь он тут не пригодится. И не надо читать всего Платона, надо уметь прочесть этот фрагмент, учитывая только те диалоги Платона, где этот фрагмент может быть понят в логике самого Платона. Не нужно читать *Клитосфена*, *Феага*. Но что нужно читать для того, чтобы понять этот диалог? *Тимея* — не надо, поздние диалоги тоже не нужны. А нужны какие? *Федон* — безусловно, *Пир* — обязательно, но может быть *Менон*. Вот эти три диалога надо знать обязательно, и то не все их надо знать. Но дело-то в том, что Хайдеггера это вообще не интересует, он проблематику ставит сразу не по-платоновски. И это любопытно, почему он это делает.

А. Михайловский: То есть наша задача заключается в том, чтобы понять нерв самого Хайдеггера.

А. Романов: И где он явно передегеривает. Он просто не читает Платона, как он даже пишет прямым текстом. Он не понимает Мифа о Пещере, для чего он Платону нужен. Он не понимает, как этот Миф о Пещере связан со всем диалогом *Государство*, не говоря уже о других диалогах. Естественно, он совершенно неверно, то есть не по-платоновски толкует его идеи-эйдосы, совершенно не понимает, зачем они Платону, к чему они тут взялись, толкует их по-школьному, по-учебному. Вот это вот, конечно, интересно, для чего это нужно Хайдеггеру. Об этом он заявляет в трех фрагментах. Три я выделил, их можно еще подразделять. Первое, когда он говорит о том, что применение несказанного в сказанном, вот

это и есть задача философии, применение несказанного в сказанном.

С. Мазур: А можно еще по переводу... А вот как коллеги восприняли тогда перевод Хайдеггера? Была реакция на то, как он перевел Пещеру, или не было реакции?

А. Михайловский: Можно сразу сказать, что платоноведы и классические филологи в целом Хайдеггера не читают, он им неинтересен, за очень немногими исключениями. Такая же ситуация была и с Ницше. Прочли его современники, такие как Виламовиц-Мёллендорф, и пожалы плечами и ничего не сказали. То есть была критика, но позитивного о «Рождении трагедии из духа музыки» мало кто сказал.

А. Романов: А у Ницше были работы по Платону?

А. Михайловский: Нет, по Платону нет, но «Рождение трагедии из духа музыки» — это работа, которая претендовала на филологический статус, но она была отвергнута однозначно научным сообществом и оценена очень и очень немногими. В этом смысле Хайдеггер просто повторяет путь своего предшественника Ницше в некотором роде.

А. Романов: Но объект-то у него все-таки конкретный, историко-философский.

А. Михайловский: Мы должны понять, что вообще движет самим Хайдеггером, у меня на этот счет есть свои соображения. По-немецки текст называется *Platons Lehre von der Wahrheit*. Перевод Бибикина очень точен, «Учение Платона об истине», тут трудно быть неточным. По-гречески слово истина звучит как *алетейя* (ἀλήθεια). И все мы знаем, что Хайдеггер весьма специфически прочитывает это слово, понимая альфу как альфу привативум, а корень — от глагола *λανθάνω*, что означает быть скрытым, оставаться в тайне (но есть еще медиальная форма этого глагола — *λανθάνομαι*, *забывать*). И вот Хайдеггер прочитывает слово истина, *ἀλήθεια*, как *непотопленность*, *Unverborgenheit*, *незакрытость*, хотя немецкое слово *Wahrheit* или латинское слово *veritas* не дают для этого никаких оснований. Поэтому-то Хайдеггеру так и интересно греческое слово. Более того, для него методологически существенно важно мыслить греческие понятия по-гречески. Это он заявляет как свой методологический принцип: нужно мыслить истину по-гречески, а не в новоевропейском смысле как *adaequatio intellectus ad rem*, как соответствие представлений вещам. И нужно мыслить идею не в новоевропейском смысле как представление или как субъективную мысль, но как явленность сущего, как присутствие, *Anwesenung*, то есть мыслить греческие понятия по-гречески. Это основной пафос Хайдеггера, который в свое время так привлек к

нему внимание академической публики в 20-е годы. Гадамер, в частности, в своих воспоминаниях о Хайдеггере пишет о том, что Хайдеггер своим слушателям раскрывал глаза на Аристотеля, которого тогда читал в середине 20-х годов, потому что никто до Хайдеггера не читал Аристотеля по-гречески. Все прочитывали Аристотеля через схоластику. И вот Хайдеггер подарил греческого философа Аристотеля немцам.

Но, более того, здесь еще есть один важный аспект: Хайдеггер и немецкий язык понимает как реинкарнацию греческого духа в современности. Немецкий язык — это тот язык, на котором говорит философия после того, как греческий язык ушел в небытие, исторически. Известно высказывание Хайдеггера, которое записал Жан Бофре, его французский ученик, о том, что если французский философ хочет философствовать, он должен говорить по-немецки. В этом смысле Хайдеггер действительно пытается пробиваться через немецкий язык к греческому, а греческий для него есть непосредственная манифестация самого бытия, истина самого бытия. Немецкий язык — это самый прямой путь. Владимир Вениаминович Библихин здесь пытается спасти русский язык тоже, например, если взять перевод, который нашел Библихин для немецкого слова *Dasein* как «присутствие при сути», «при существе», поскольку Хайдеггер говорит о том, что *Dasein* определяется онтологически тем, что спрашивает о бытии, задает вопрос о бытии. Или другой пример, где в тексте вещь для обозначения пустоты, немецкое *Leere*, Библихин находит русское слово «пустота» и прочитывает его как «впускающая пустота». Пытается осмыслить пустоту позитивно, как шанс для того, чтобы появилось нечто новое, некое содержание. Здесь можно много приводить примеров, но в этом смысле Владимир Вениаминович Библихин хочет быть на уровне Хайдеггера в своем герменевтическом усилии, не допускать ничего лишнего, что не продиктовано самим языком, самим текстом. Но насколько требование это соблюдается, это большой вопрос. Хайдеггер тоже хочет не допускать ничего лишнего кроме того, что говорит сам Платон, но мы видим, что это чтение руководствуется определенными установками... Мы все говорим об установках Хайдеггера, но пока что мы не перешли к ним.

Мне кажется, что принципиально важно иметь в виду время, когда читался этот курс, 30–31-й год, и поместить его в контекст интеллектуальных дискуссий, которые велись тогда в Германии. В частности, Хайдеггер говорит о том, что главная проблема, о которой идет речь, это проблема *пайдейи*, по-гречески *воспитания*, это стр. 350-я библихинского перевода. «Такое пере-

учивание и приучение человеческого существа к той или иной отведенной ему области — суть того, что Платон называл *пαιδεία*. И в общем я склонен к тому, чтобы прочитывать этот текст как текст по философии образования в самом широком смысле этого слова». То есть Хайдеггер здесь в некотором смысле ставит себя на место Платона и понимает свою задачу в платоновском духе как задачу педагогическую.

На мой взгляд, это верное понимание Платона, потому что Платон рассматривал философию прежде всего через призму *пайдейи*. Для Платона философия была частью педагогического проекта, который он противопоставлял образовательному проекту Исократу. Мы знаем, что в Афинах в первой половине четвертого века было настоящее противостояние двух философских школ, школы Платона, Академии, и школы Исократу, античного ритора, близкого к софистам, который тоже претендовал на использование слова «философия». Хайдеггер в одном месте так и говорит, что Платон первым придает новый смысл слову «философия». Помните, 359 страница, «София вне пещеры есть фило-софия». Язык греков знает уже это слово до эпохи Платона, употребляя его обычно для именованного предпочтительной привязанности к верному ориентированию. Платоном первым это слово было затребовано как имя для такого ориентирования в сущем, которое одновременно определяет бытие сущего как идею. С Платона мышление о бытии сущего становится «философией». Хайдеггер говорит фактически о том, что Платон первым применяет слово...

А. Романов: А почему не с Парменида?

А. Михайловский: А потому что у Парменида нет слова «философия».

А. Романов: Зато есть бытие сущего...

А. Михайловский: Бытие сущего у него есть, но философии нет... Я этим вопросом несколько занимался... Я могу показать на текстах, что действительно еще к середине IV века до н.э. словоупотребление *φιλοσοφία* не устоялось, т. е. между Платоновской Академией и школой ритора Исократу шло соперничество за употребление этого слова «философия» в определенном смысле, то есть в контексте определенной образовательной программы. Вот каковы эти образовательные программы, программы *пайдейи*?

Это два различных понимания *пайдейи*. Я могу сослаться на статью нашего филолога Андрея Россиуса «Полемика Исократу с академией Платона» (Вестник древней истории, 1987 год, № 2 стр. 93–102). Я рассматриваю словоупотребление *φιλοσοφία* в контексте соперничества двух школ образовательных, которые конкурировали за учеников, за определенное влияние в Афи-

нах. Исократ понимает философию как умение «строить правдоподобные предположения, как практическую мудрость, как часть риторики, как часть широкого гуманистического образования». Исократ сводит философию к риторике как к искусству. Умение вести за собой народ, объяснять, убеждать, объяснять правильные цели, ставить задачи... как практическую мудрость. Философия есть риторика как гуманитарное образование или гуманистическое образование в широком смысле слова. С другой стороны, Платон понимает философию как любовь к мудрости, как стремление к точному знанию. И если Исократ понимает *пайдеию*, воспитание как воспитание гражданина, как воспитание человеческой личности и формирование умения произносить полезные и достойные государства речи, то Платон понимает образование как подготовку политических экспертов и воспитание царя-философа. В конце концов мы знаем, что сам Платон неоднократно давал консультации по конституционным вопросам, а его ученики реально выступали как законодатели. Например, Аристоним в Аркадии, Формион в Элиде, Аминодем в Эпире.

Таким образом, Платон претендовал на то, чтобы в рамках своей концепции педагогической готовить политических экспертов. Философия сводится Платоном к диалектике, высшему искусству. Риторика подчиняется диалектике, а диалектика имеет целью формирование совершенного правителя. А Исократ, как я уже сказал, подчиняет, наоборот, философию риторике и считает, что достаточно владение практической мудростью. И здесь противопоставление мнения-доксы у Исократ и знания-эпистемы у Платона. И Хайдеггер, как мне кажется, воспринимает этот пас, идущий от Платона, и тоже выступает в качестве фигуры философа с большой буквы, который способен заново переосмыслить существо философии здесь и сейчас, в 30-м году. Значит, мы запомнили про второй посыл Хайдеггера, зачем переосмыслить философию, и возвращаемся к контексту.

Я обращаю внимание на то, что на стр. 350 Хайдеггер тематизирует само понятие образования, которое он именуется словом *Bildung* (то есть это аналог греческой *пайдеии*) и говорит о том, что необходимо переосмыслить существо образования. Нельзя понимать образование, *пайдеию* как стремление загрузить «неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся пустой сосуд». Хайдеггер здесь претендует на приближение к Платону. «Подлинное образование, наоборот, захватывает, изменяет саму душу и в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приучая к нему». Значит, та *пайдеия*, то образование, о котором говорит

Хайдеггер, это не образование, я бы так сказал, в позитивистском смысле. То есть он здесь не просто говорит о каком-то образовании, он имеет в виду конкретные образовательные программы, которые в то время имели хождение в Германии. Платон противопоставляет свою концепцию философии риторике Исократу, Хайдеггер противопоставляет позитивизму свою концепцию образования, которую может дать только философ (а Хайдеггер с этого времени уже думает о том, как стать ректором Фрайбургского университета, по крайней мере эта перспектива маячит).

Он был крайне честолюбивым человеком, когда в 1929 году стал профессором философии, сменил Гуссерля во Фрайбурге. 1929 год — это его инаугурационная лекция «Что такое метафизика?» Если прочитать, то можно удивиться, насколько Хайдеггер надменен, выступая перед учеными, перед естествоиспытателями, психологами, говоря о том, что вы, мол, ничего не понимаете вообще. Только философия способна ответить на главный вопрос, почему есть бытие, а не ничто, а точные науки не мыслят. И в 1933 году он становится ректором, этот выскочка, парвеню с чрезмерными амбициями, говорит о том, что философия — это вообще королева всех наук. Все вы тут ничто, математики, естествоиспытатели, А Фрайбург, между прочим, крупный естественнонаучный центр. Образование позитивистское, как нагружение души некоей информацией, информированием, сообщением некоторых навыков, знаний позитивных в душе — это не то, это не годится.

И в конце Хайдеггер говорит, намекает на еще одну концепцию образования, концепцию *пайдеии*, это на странице 360. Это гораздо более интересно. Он говорит о гуманизме. Считают, что с Платона не только начинается метафизика, но начинается и гуманизм, который ставит человека в центр мира. «Это слово здесь пусть будет существенным и потому осмысленным в самом широком значении. Соответственно, гуманизм означает тот смыкающийся с началом разворачивания и концом метафизики процесс, что человек в разных аспектах, но каждый раз со своего ведома выдвигается в середину сущего». Значит, Хайдеггер ополчается не только против позитивистской трактовки образования, но и против гуманистического извода образовательных концепций.

Задаем вопрос: что было референциальной точкой для Хайдеггера, почему гуманизм? Что он имеет в виду? Представьте ситуацию, 30-е годы, какой гуманизм? У меня есть на это ответ. Против гуманистов, против позитивистского понимания образования, против гуманистического понимания образования. Мы знаем, что значит

гуманистическое понимание образования. Это приоритет гуманитарного знания над знанием техническим, то есть больше истории, больше гуманитаристики, больше филологии. Альтернатива всегда была: реальное училище — классическая гимназия. Это альтернатива, с которой Хайдеггер полемизирует.

В это время одним из самых известных профессоров классической филологии был Вернер Йегер. Вернер Йегер, как мы знаем, написал книжку, первый том вышел в начале 30-х годов под названием «Paideia. Die Formung des griechischen Menschen». Книга очень известная, потрясающе информативная. Первый том вышел в Германии, второй и третий тома вышли в эмиграции, он уехал из Германии в 1936 году. Но концепцию *пайдеии* Йегер начал разрабатывать еще раньше. В частности, я нашел в журнале «Die Antike. Zeitschrift für Kunst und Kultur des klassischen Altertums», который собственно и издавался Йегером в Берлине и Лейпциге, опубликованную в 1928 году программную статью, которая называлась «Platons Stellung im Aufbau der griechischen Bildung», «Место Платона в системе греческого образования». Йегер там вводит понятие, которое теперь связывают с его именем, это понятие нового гуманизма или третьего гуманизма. «Осмысление сущности культуры как специфического смыслового и структурного принципа заданной истории необходимым образом включает новый гуманизм, ибо оно открывает для нас новое, глубоко интимное отношение к нашей истории и, в частности, к тому народу, который создал его ценностный порядок — греков». И дальше Йегер говорит о нормативном значении греческой *пайдеии*. Для него это прежде всего приверженность норме заданной, идеалам греческого человека, *καλὸς καὶ ἀγαθός*.

Греки имеют нормативное значение для нас, и потому так важно утверждение принципа нового гуманизма в современную эпоху. «В понимании понятия нормы происходит изменение в тот момент, когда мы осознаем историко-конкретный характер всех наших ценностей. Речь не идет о том, что произведения античного искусства имеют для нас более высокую эстетическую ценность, а их философия ближе к истине. Значение древних в том, что они создатели и прототип собственного нашего порядка ценностей, а их космос форм — это живой стержень жизненных форм нашего собственного духа». Культура в определении Йегера — это разворачивание человечества во всех жизненных сферах, потому что сам грек — это первый антропопласт («образователь человека», от др.греч. ἀνθρώπος, «человек» и πλάσσω, «изображать») среди всех европейских народов. Здесь, как мне кажется, мы

можем найти вторую референциальную точку Хайдеггера, с одной стороны позитивистское понимание образования, с другой — гуманистическое понимание образования, конкретно Вернер Йегер. Кстати говоря, в переписке Хайдеггера с Ясперсом можно найти достаточно нелицеприятные оценки Йегера, которые Хайдеггер дает в конце 20-х годов, то есть очевидно, что он понимал его как своего соперника, человека, с которым стоило полемизировать. И вот Хайдеггер чем руководствуется, что такое для него образование, если это не позитивистское образование и не образование в смысле нового гуманизма как утверждение человеческого начала в культуре?

Для Хайдеггера образование не имеет ничего человеческого, образование — это не человеческое предприятие, так же, как и сама философия, мы можем сказать, бесчеловечна по своей сути. Хайдеггер, как мы знаем, занимается еще с «Бытия и времени» деструкцией западноевропейской метафизики, которая основывается на понятии субъекта. Начиная уже с «Бытия и времени» Хайдеггер пытается построить такую онтологию, в которой был бы элиминирован субъект. Потому что *Dasein*, «бытие в мире» — это, конечно, не субъективность в неокантианском или в каком-то другом смысле. Здесь Хайдеггер укоренен в традиции философии жизни. Уже Дильтей сказал о том, что в жилах нового европейского субъекта, сконструированного Декартом, Кантом и Юмом, течет не настоящая кровь. Необходимо заново укоренить этот субъект в жизненном мире, показать, что в действительности первичным в восприятии действительности, в нашей встрече с бытием является не теоретическая установка, но некие дорефлексивные, допонятийные структуры. То есть человек включен в мир, захвачен миром не как рефлексирующее существо. Хайдеггер здесь, в частности в этом тексте, пытается и само понятие истины выстраивать на несубъективной основе. Потому что истина для новоевропейской мысли есть соответствие нашего представления бытию, вещам. Истина это *adaequatio intellectus ad rem*. Хайдеггер же по ходу дела пытается подвести нас к тому, чтобы показать, что на самом деле истина не есть свойство субъекта, не есть характеристика наших суждений о мире, но есть не что иное как характерная черта самого сущего. Истина есть открытость, непотаенность. Исходя из этого он пересматривает весь проект философии так же, как Платон в свое время утверждал философию как совершенно новый проект, которого не было до него.

В качестве какого проекта Хайдеггер утверждает философию? Он говорит, что философия должна преодолеть метафизику, новую европейскую метафизику, которая начинает-

ся с Платона, начинается с того момента, когда идея начинает мыслиться как присутствие, как *Anwesenheit*. 357-я страница: «В этом изменении существа истины, когда истина становится правильностью восприятия высказывания, есть истина из присутствия, из явленного самого сущего становится правильностью восприятия высказывания». То есть свойством... тем, чем обладает философ. «Известным образом Платон вынужден еще сохранить „истину“ как черту сущего, поскольку в качестве присутствующего сущее имеет свое бытие в явлении, а явление несет с собой непотаенность. Но в то же время вопрошание о непотаенном переносится на явление вида и тем самым на подчиненное ему видение и на правильное и правильность видения. Поэтому в учение Платона заложена неизбежная двусмысленность. Именно она свидетельствует о невысказанном ранее и теперь выявляемом изменении в существе истины». То есть с Платона, Хайдеггер говорит, начинается изменение в существе истины. Из непотаенности истина становится правильностью, тем самым открывается дорога для перетолкования истины в онтоологическом смысле, а потом, начиная с Декарта, и в смысле гносеологическом — правильности высказывания свойства субъекта. То есть по Хайдеггеру получается так, что история философии как истории метафизики начинается с Платона, а заканчивается она Ницше, которого называет «*der entzūgelste Platoniker*», «самым разнузданным платоником». А в Новейшее время она завершается Юнгером как поздним наследником Ницше, который окончательно утверждает торжество этого видения истины как наличия, присутствия. И новая европейская техника, по Хайдеггеру, есть тоже следствие новой европейской метафизики субъекта. И Юнгер своей фигурой «Рабочего», гешталтом рабочего подтверждает это, сущее толкуется как воля власти. Задача же философии по Хайдеггеру заключается в том, чтобы сохранять дифференцию между сущим и бытием. Философия должна, в конечном итоге, если мы говорим о философии как об образовательном проекте, как проекте воспитания, как проекте поворота, *περιαγωγή ὅλης τῆς ψυχῆς* («переворачивание», «перенаправление» всей души)... по Хайдеггеру, философия ничем не занимается, кроме как этим самым *περιαγωγή*, руководством человека, обращением его к истине. Философия должна из метафизики стать мышлением о бытии. Философия должна охранять, осмысливать различие между сущим и бытием и должна охранять бытие. Она должна охранять эту двойственность бытия, которое есть не что иное, как игра сокрытия и раскрытия, потаенности и непотаенности. Потому что для Хайдеггера

там, где потаенное, там и непотаенное. Бытие, как мы помним, Хайдеггер пишет *Sein*, перечеркивает его крест — накрест и говорит, что здесь в бытии происходит спор земли и мира. Земля обозначает сокрытость и потаенность, то, что умели именовать греки «*фюсис*», помните, у Гераклита фрагмент 123 DK: *φύσις κρύπτεσθαι φιλεῖ*, «природа любит скрываться». Но, с другой стороны, бытие обладает и открытостью, о которой знает философ, и потому, с точки зрения Хайдеггера, задача философа сегодня — это как бы хранение бытия, умение показать этот спор земли и мира, сокрытия и раскрытия. Вот я найду сейчас место на 353-й странице: «Но для непотаенного оказывается существенным не только то, что тем или иным образом делает доступным явное и держит его открытым в явлении, но и то, что непотаенное постоянно преодолевает ту или иную потаенность потаенного. Непотаенное должно быть вырвано из непотаенности, в известном смысле должно быть похищено у нее. Поскольку для греков первоначально потаенность как самоутайвание пронизывает существо бытия, определяя тем самым сущее в его присутствовании»... видите, это он Гераклита имеет в виду... — «поскольку греческое слово для того, что римляне называли *veritas*, а немцы *Wahrheit*, отмечено у греков привативным альфа (а-летейя). Истина исходно означает вырванное из той или иной потаенности». Греки знают о том, что потаенность пронизывает существо бытия...

А. Романов: А откуда они об этом знают?

А. Михайловский: Об этом знает Гераклит, Хайдеггер толкует его изречение «природа любит скрываться» в своих Лекциях о Гераклите. Философия говорит о потаенности. Иными словами, что такое техника для Хайдеггера, новоевропейская техника? Это торжество непотаенности в конечном счете, когда все сущее поставлено и явлено в своем наличии, когда субъект может безоговорочно и безгранично распоряжаться всем сущим, которое вырвано у природы и предоставлено в его распоряжение. Значит в этой опасности, повторяет Хайдеггер вслед за Гёльдерлином, кроется и спасительное. «*Wo aber Gefahr ist, // Wächst das Rettende auch*». Значит, необходимо вернуть технику, которая есть не что иное, как завершение метафизики, к ее истокам, осмыслить технику, *τέχνη* как *ποίησις*, как выведение не из потаенности на свет истины, но при сохранении этой самой непотаенности, потому что все, говорит Хайдеггер, в частности, в тексте «Исток художественного творения», все искусство коренится, основывается, стоит на земле и есть спор земли и мира. Произведение искусства являет свой мир, но в то же время оно стоит на земле, оно основывается на почве. Почва есть не что

иное, как слово для потаенности бытия. Природа устроена так, что она сама себя прячет. Природа, *фюсис* — это греческое слово для бытия. Досократики слово бытие не употребляли. *Фюсис* — это бытие. *Бытие* — индоевропейский корень **bi-*, в греческом имеем *фү-*, и в русском *бы-*, *быть*. Греческий глагол *φύω* означает *рождаться, становиться*. Поэтому у многих возникает вопрос, почему Кирилл и Мефодий в церковнославянском переводе Библии использовали слово «бытие»... почему первая книга, Genesis, названа книгой Бытия. Почему? Если бытие мыслить по-платоновски, то бытие — это нечто неизменное, вечное, стабильное. Пусть это и школьная трактовка Платона. Некая стабильность, бытие — это стабильная структура. Почему рассказ о том, как Господь сотворил Мир, назван словом *бытие*, если бытие исключает становление? Однако Кирилл и Мефодий, видимо, имеют в виду в том числе и это слово *фюсис*, потому что по-гречески *φύσις* — это *становление*, это живое развитие.

А. Романов: Кто это такую этимологию раскрыл с русским словом «быть»?

А. Михайловский: Ну, это довольно известный факт. Греческое *фү-* и русское *бы-*... Можно посмотреть в исторической грамматике. Вот такая у меня получается реконструкция этих двух идей, которые движут Хайдеггером. С одной стороны, это полемика с двумя концепциями образования — позитивистской и гуманистической. Хайдеггер здесь как бы воспроизводит спор Платона и Исократы, спор Платона с софистами в самом широком смысле слова. И с другой стороны, Хайдеггером движет идея воспитательная, пайдетическая реконструкция самой сущности философии. Философия должна стать преодолением метафизики и мыслью о бытии, а человек должен стать из господствующего субъекта, из рабочего, если угодно, пастухом бытия, который охраняет вот эту вот потаенность.

А. Романов: Александр, а не могли бы вы еще раз показать вот эту двусмысленность у Платона относительно истины, как Хайдеггер это разводит? Дело в том, что у Платона истина в понимании Хайдеггера вообще нигде не встречается. Наоборот, употребляется в совершенно противоположном смысле и в том же Мифе о Пещере.

А. Михайловский: У Хайдеггера здесь действительно несколько произвольный скачок. С одной стороны он все время говорит об истине как о непотаенности, как явлению вида, том, благодаря чему является сущее, и потом он в какой-то момент на стр. 356-357-й русского перевода говорит о том, что правильность взгляда необходима для постижения истины. То есть философ — это тот, кто вышел из пещеры и научился правильному видению. И здесь он на 357-й странице

говорит о том, что *ὀρθότης*, это правильность взгляда, от него зависит все... «и так из превосходства вида и видения над алетейей возникает изменение существа истины». Выходит, до этого как бы *истина-алетейя* была этой самой непотаенностью, характерной чертой самого сущего и вдруг у нас появляется этот субъективный момент видения, зрения, которым обладает философ, с этого начинается поворот в истории самого бытия, совершается незаметным образом. Так что Платон его даже не заметил, и никто его не заметил. А Хайдеггер вот сейчас заметил, что тогда уже у Платона все случилось; даже Декарт уже случился у Платона в начале VII-й книги.

А. Романов: Видите ли, какая штука... Дело в том, что у Платона видение никогда не есть на первом месте и особенно в Мифе о Пещере, особенно в диалоге *Государство*. Это предпоследний средний диалог, если считать *Тимей* средним диалогом... а по проблематике это несомненно средний диалог. Впрочем, *Кратил* тоже из последних средних диалогов. Так вот по поводу видения идей... В *Государстве* сам Платон от идей, можно сказать, что и отказывается, то есть от метода познания этих идей, от диалектики среднего периода, выдвинувшей гипотезу о существовании таких идей. Но Хайдеггер всего этого не видит. И вот через такое его искажение Платон становится еще более интересным... Дело в том, что действительно — в Пещере ведь главное — это возвращение в Пещеру. Но по какой причине надо возвращаться?

А. Михайловский: Это 4-я стадия?

А. Романов: Там много стадий... там до 15 стадий насчитывается...

А. Михайловский: У него 4-я ступень...

А. Романов: Ну, Хайдеггер очень грубо делит. Тем более Пещера не заканчивается на 517, она заканчивается на 539–540. и там много разных стадий. И вообще Пещера у Платона откуда и зачем взялась? Она взялась после Линии, а это очень важная вещь, и после Солнца, и нужно все три рассматривать вместе, а их три надо рассматривать от фрагмента 507а и далее, то есть почему Платон вообще начинает переходить к этим аналогиям в VI-й книге. Но вот что я хотел здесь заметить любопытное. Хайдеггер пару раз здесь это упоминает, но идет дальше и переходит к видению идей. Дело в том, что у Платона видение всего лишь метафора и не самая главная. Дело в том, что у него сущность вещи есть ее использование или польза, *ὠφέλεια*. Не видение идей, идеи, он говорит, это чепуха. Какой толк нам от этих идей, это фрагмент 505, если мы не знаем, как использовать эту идею и пригодность ее мы не знаем...

А. Михайловский: Можно, Алексей, некоторую интервенцию... Вот 355-я страница, где Хайдеггер трактует платоновскую идею τὸ ἀγαθόν, идею блага. Он говорит, что τὸ ἀγαθόν — это никакое не нравственное добро, а означает, будучи помыслено по-гречески, то, что для чего-то годно и делает другое чему-либо годным. Это платоновское понимание?

А. Романов: Надо уточнять... Никакой этики тут конечно нету. Τὸ ἀγαθόν это то же самое, что καλός в Пире и то же самое, что божественная даймолическая сила в Федоне. Это τὰ ἐπέκεινα τῆς οὐσίας, то есть сущность за пределами всего, в том числе и за пределами этих идей. Например, в *Тимее* эта сущность названа парадигмой и центральное место занимает. Вот эта τὰ ἐπέκεινα, она порождает вещь в ее использовании, в «для чего» этой вещи. Идея здесь уже совершенно не нужна. У Платона два отношения к причине сущего и его бытия. Первый вид причины он вводит в *Федоне* и замещает его: допустим, что есть идеи как гипотеза, это всего лишь предположение, а вовсе не какое-то окончательное устойчивое бытие. В *Пармениде* он сам критикует существование идей даже и как гипотез. И в поздних диалогах он к такому виду идей не возвращается. Там у него идеи означают совершенно другое. Поздняя диалектика вовсе не то же, что средняя, где выдвигаются гипотезы о существовании идей и потом с помощью правил выдвижения гипотез и их проверки понимание этих идей достигается. Поздняя диалектика — это уже деление на виды, так называемый диализис. Хайдеггер всего этого не видит. Хайдеггер утверждает, что у Платона есть видение, то ἰδέϊν. Ничего подобного, у Платона тут не видение, а использование.

А. Михайловский: Еще одна интервенция этимологическая. Если мы хотим проследить этимологию слова «идея», то мы видим корень индоевропейский *r̥id-, и тут вначале была дигамма, как мы знаем, то есть «идея» с дигаммой читается как «вид», это русское слово «видеть», «ведать», с чередованием гласных. Все-таки этимологически идея связана с видением. И Хайдеггер это подчеркивает.

А. Романов: Но Хайдеггер все равно искажает Платона. Скажем, проблематизация идей появляется как требование истинных суждений согласно возникновению вещей от та эпейкейна. А Хайдеггер здесь не проблематизирует вообще ничего. Он просто вещает. А у Платона естественным образом проблематика вырастает по отношению к идеям, Пещера — это сплошная проблематика. И Хайдеггер очень упрощает понимание идей Платоном даже в той же самой Пещере. Он заикливается на этом видении и

уходит от того, что для Платона в этой Пещере является главным — возвращение.

А. Михайловский: Про возвращение он говорит, и все-таки это 4-ая ступень... Алексей, я с вами согласен, что Хайдеггер Платона читает очень избирательно и руководствуется при этом своим видением...

А. Романов: И очень плоско...

А. Михайловский: Достаточно плоско. То есть так же, как Аристотеля он разбирал. Но это все-таки, мне кажется, актуализует Платона, он даже как катализатор тут выступает, без Хайдеггера Платона бы не стали так читать... сегодня по крайней мере. А во-вторых, 4-ая ступень важна, потому что...

А. Романов: А какой фрагмент у Платона это?

А. Михайловский: 353-я страница. «Спуск обратно в пещеру и борьба внутри пещеры между освободителем и противящимися всякому освобождению пленниками составляют особую четвертую ступень «притчи», где она только и кончается».

А. Романов: Она там не кончается...

А. Михайловский: То есть задача философа по Хайдеггеру конечно не закрыться в башне из слоновой кости...

А. Романов: А почему бы и нет? В том числе и это у Платона.

А. Михайловский: Да, но нужно вернуться и обратно, это политическая задача.

А. Романов: А почему? Разве это не задача мышления?

А. Михайловский: Платон — политический философ. Не только философ *пαιδείας*, воспитания, но и политический философ. Для него важно воспитать правителя.

А. Романов: Стать знающим. А то, что знающий и должен быть правителем, это уже второе.

А. Михайловский: И он должен на правительных принципах устроить государство.

А. Романов: Если только это возможно.

А. Михайловский: Он должен спасти...

А. Романов: Не должен он спасать, упаси бог, чтобы у Платона такое было, иначе грош ему цена.

А. Михайловский: Для меня Хайдеггер — политический философ и Платон тоже.

А. Романов: Да, политический, но у него нет такой пошлости, как долженствование кого-то спасти... И вообще, Александр, какой на Ваш взгляд гвоздь в этом тексте? Для меня это двусмысленность, которую Хайдеггер видит у Платона. В чем эта двусмысленность? Я говорю, как оно у Платона, а как это видит Хайдеггер... Понятно, как он видит, зачем — тут тоже понятно, и в дан-

ном случае мне Хайдеггер больше не интересен. Понятно, что у него есть своя цель, к Платону не имеющая отношения. Но Платон от этого становится интереснее, потому что Хайдеггер его как бы немножечко поворачивает, уводя в свою сторону, а Платон уже нам видится как тот человек, который и умнее Хайдеггера, и обезопасил себя своей философией от такого рода набегов.

А. Михайловский: Это герменевтический эффект, который вызывает Хайдеггер в Алексее, то есть Хайдеггер актуализует Платона, но суть этого текста, насколько я понимаю, в том, что Платон здесь инструментальную роль играет, Хайдеггер от него отталкивается, безусловно. Это текст не столько о Платоне, сколько об истории бытия. Это хайдеггеровская идея его понимания истории философии как истории забвения бытия. То есть задача этого текста показать, что философия должна преодолеть метафизику, должна преодолеть технику и стать мышлением о бытии.

А. Романов: А зачем ей это нужно?

А. Михайловский: Это вопрос спасения. Текст в 67-м году было опубликован. А в 1966 г. Хайдеггер дал знаменитое интервью журналу «Шпигель», где его спрашивали: почему вы технике не любите? Почему вы считаете, что наука не мыслит? Техника — это ведь так здорово, у нас есть телевизор, машины, самолеты. А Хайдеггер отвечал, что все на самом деле гораздо хуже, чем вам представляется, потому что если мы не осознаем той опасности, которая таит в себе техника как забвение бытия, то мы окончательно погибнем, и только Бог может нас спасти. Это хайдеггеровские слова очень известные. «Nur noch ein Gott kann uns retten». Если само бытие не вернется к нам... от человека мало что зависит, от человека зависит только то, чтобы занять правильную позицию и услышать зов бытия. Но своими силами с помощью какой-то методологии, с помощью технологий, человек спастись не может. Поэтому философия, в конце концов, у него становится вот таким вопрошанием о бытии из ситуации крайней нужды.

А. Романов: А в чем его нужда? Как она Хайдеггером формулируется?

А. Михайловский: Нужда заключается в забвении бытия, в том, что мы отданы во власть техники, мы находимся в ситуации нигилизма.

А. Романов: Ну и что? Опять, что такое нигилизм, мне не понятно. Вот может ли Хайдеггер объяснить простыми словами, как Сократ объяснял, а не пророчествовать так... свысока...

А. Михайловский: Мир очеловечен, технология посягает уже на то, чтобы вторгаться в саму человеческую природу. Бог умер, Ницше провозгласил.

А. Романов: Какой еще Бог? Я знаю это как литературное выражение, но лично меня это не касается, нет у меня никакого такого Бога, который бы еще и умер.

А. Михайловский: Хайдеггера трудно для обывателя изложить, потому что обыватель верит в то, что техника нас может спасти, обывателю Бог уже не нужен. Хайдеггер говорит, что вот он ощущает свое время как время нужды, время, когда поэзия никому не нужна. Всем нужны развлечения, нужна технология...

А. Романов: Большинству всегда так было.

А. Михайловский: Да, для большинства... Искусства нет, отношение к богам — этого тоже нет. Техника уничтожает природу. Был Рейн, вокруг которого концентрировалось все немецкое культурное самосознание, сага о Лорелей, замечательная Рейнская мистика, золото Рейна, а теперь на Рейне поставлена гидроэлектростанция, Рейн стал поставщиком энергии. Все. А сейчас на Северном море в оффшоре стоят ветряки, которые вырабатывают энергию из ветра. На полях растет рапс, красивый желтый рапс, который раньше давал пчелам субстанцию для меда, которым восхищались поэты, а теперь из рапса гонят топливо для мерседесов. Рапсовое масло, из него делают биотопливо, разве этого недостаточно? Это полный нигилизм, это полная катастрофа. Бог умер, все! В 60-е годы Хайдеггер — пессимистический философ, если объяснять для обывателя.

А. Романов: Такой пессимизм обывателя философствовать не заставит, а заставит, не знаю, там... в панике громить что-нибудь. Потому что такой пессимизм мыслить не заставляет, не заставляет проблематизировать для мышления. А если заставляет, то сформулировать надо не как что-то устрашающее. Платон так никогда не делает, он никакого страха ни на кого не нагоняет.

А. Михайловский: Ну как же, Платон тоже нагоняет страх. В том же *Федре*, где он выстраивает свою иерархию душ, помните? Что будет с плохой душой? В кого она воплотится в следующее рождение?

А. Романов: Ну, это только шутка и миф, об этом Платон сразу же по окончании палинодии говорит в 265bd.

А. Михайловский: А во второй книге *Государства*, где Миф о кольце Гига?

А. Романов: Это речь Главкона, которую он говорит для того, чтобы ввести Сократа в состояние ступора: что же делать? — вот Фрасимах говорит, что несправедливость «справедливей» справедливости, вот я, Сократ, который оказывается не способным на аргументацию и не может проблематизировать, что такое справедливость, поэтому я сдаюсь и ухожу. — Нет, стой — Главкон

снова возвращается к рассуждению Фрасимаха и говорит о кольце Гига, потом говорит Адимант о предпочтении несправедливости справедливости. Сократ в замешательстве, и вместе они двинулись. Вот это и есть проблематизация, никто никого не пугает. Нет никаких грядущих апокалипсисов.

А. Михайловский: Я с вами согласен. У Платона не апокалиптическое сознание и он вообще не христианский мыслитель, а апокалиптическое мышление и видение только с христианством приходит...

А. Романов: Есть апокалиптические мифы у Платона, но они не для того, чтобы запугать.

А. Михайловский: Но они не такие страшные, чтобы пытаться построить такую онтологию, в которой был бы элиминирован субъект. Ну да, Хайдеггер, особенно поздний Хайдеггер — апокалиптический философ. Хайдеггера, конечно, интересует вопрос о свободе, как можно быть свободным посреди технического ландшафта? Как возможно поэтическое высказывание, как возможна мысль там, где все определяется исключительно человеческими ценностями? Как возможно отношение к трансцендентному?

И. Ватолин: И в чем тут Хайдеггеру помогает Платон?

А. Михайловский: Платон ему в этом не помогает. Платон для Хайдеггера — это начало конца. Хайдеггер пытается Платона преодолеть. Ну, как он его понимает. У него своеобразное прочтение истории философии, у Хайдеггера. Он возвращается от Платона к досократикам. Конечная цель у Хайдеггера — это не Платон, а досократики. Анаксимандр, Гераклит... Платон — это уже позднее явление в истории греческого духа. Гораздо больше, чем Платон, знали досократические философы, тот же Гераклит. У Платона уже забвение бытия началось, уже двусмысленность (с одной стороны — напотаенность, с другой — правильность взгляда). Девиз Хайдеггера — вернуться от Платона к досократикам.

И. Ватолин: Вот что это значит в плане идеальной настройки на бытие? Или он выступает тут поэтом?

А. Михайловский: Хайдеггер выступает поэтом. Для него важно, чтобы мы умели различать сущее и бытие и понимали, что бытие не может быть опредмечено, оно не может стать предметом для господствующего субъекта, оно не может стать ценностью. Если бытие становится ценностью, превращается в вещь, пусть даже очень высокую по онтологической иерархии, то это значит, что мы действительно теряем существо истины, мы ограничиваем весь круг исключительно человеческими ценностями, мы возвращаемся внутри исключительно гуманистической или

антропологической проблематики, мы теряем трансценденцию, мы теряем тайну. Хайдеггер поздний, как мне кажется, очень близок Дионисию Ареопагиту, он близок Майстеру Экхарту, такому мистическому богословию, апофатическому богословию. То есть Хайдеггер поздний не только апокалиптический, но еще и апофатический мыслитель. Важно не только утверждать о бытии нечто позитивное, но и признавать то, что в бытии не поддается артикуляции, не поддается опредмечиванию. Об этом лучше молчать, чем говорить, помните Витгенштейна?

И. Ватолин: А в чем тогда разница между Хайдеггером и, например, Геноном, который тоже достаточно поэтически многозначителен?

А. Михайловский: Я не могу так однозначно ответить на это вопрос... Но Хайдеггер все-таки был философом, он работал с понятиями, а Рене Генон — с культурными символами, это разные способы работы.

И. Ватолин: При этом если смысл работы с понятиями фактически тот же, что и у Генона при работе с символами, то есть намекнуть на...

А. Михайловский: Да, и это хорошо... в этом смысле каждый добивается своей цели разными способами. Гельдерлин как поэт — одним способом, Хайдеггер — другим, а цель у всех одна, конечно, чтобы намекнуть на то, что по-настоящему важно.

А. Романов: А! Хайдеггера можно воспринимать как такого вот космопоетического писателя?

А. Михайловский: Но Хайдеггер философ все-таки...

А. Романов: Но философия космопоезисом и была как раз до Платона. Ну, согласно Шичалину хотя бы.

А. Михайловский: Понимаете, тут в чем отличие поэтического от философского высказывания? При том, что мы знаем, что Хайдеггер писал стихи, подражая Гельдерлину, стихи не очень хорошие, слабые, но писал стихи. Но в чем отличие? Я могу его сформулировать достаточно точно, как мне кажется. Поэтическое слово, поэтическое высказывание — это то, что не может быть сказано иначе, говоря по-немецки, *was sich nicht anders sagen läßt*, поэтическое слово не может быть высказано иначе, чем оно высказано. Оно высказано так, как оно высказано поэтом. Слово философа на то оно и слово философа, потому что это *logos*, оно предполагает возможность сказать иначе, возможность переформулировать, *Anders-Sagen-Können*. И в этом смысле Хайдеггер, конечно, никакой не поэт, он не претендует на то, чтобы отлить свое мистическое видение в какие-то поэтические образы. Он говорит для аудитории, которая способна рационально мыс-

лить, а не только ловить поэтические откровения и предполагает, что это философская речь, пусть она временами построена как поэтический текст, но это философская рациональная речь, которая может быть изложена с помощью других категорий, других понятий. Я здесь могу вспомнить Платона, по-моему, это место в *Софисте*, где говорится о том, что если бы нас лишили логоса, то мы бы лишились и философии.

А. Романов: Там где говорится о сплетении идей, это фрагмент e-260b.

А. Михайловский: Философия и образование, конечно, связаны с логосом. Другое дело, что Хайдеггер пытается преодолеть понимание истины как того, что имеет место в рациональном высказывании, истины как свойства высказывания, но что есть у философии, кроме *логоса*, чтобы обратиться к душам людей, я не совсем понимаю. Мы можем показать через логос нечто, что этим *логосом* не объемлется, не вмещается полностью. *Пайдейя*, конечно, связана с речью.

А. Романов: Но Платон, говоря о *пайдейе* в *Государстве*, фрагмент 523-533, выстраивает реформу пяти математических наук, говоря о том, каким образом надо повернуть душу к бытию, с помощью какой речи. Там он не открывает ничего нового, он говорит о диалектике, которую придумал еще в *Меноне*, в первом среднем диалоге. Но дело в том, что Платон говорит, что логос ученых, то есть кого он реформирует, математиков, он предпосылочен, он исходит из тех противоречивых допущений... речевых, так скажем — *логос* это и речь, и высказывание, и определение, и сообщение, и беседа, и прочее в таком же роде, поскольку диалектика — это все-таки беседа либо с самим собой, либо с кем-то еще, проблематизирующая свой предмет. Это и есть тот *логос*, который помогает развернуть душу к бытию. Каким образом? А этот *логос* заставляет душу это сделать путем особого логосного же построения, разрушающего, опровергающего эти предпосылки. Как сделать так, чтобы *пайдейя* стала необходимостью для того, с кем происходит эта диалектическая беседа? Она становится необходимостью не с помощью запугивания, а с помощью участия в беседе на самые невинные предметы, например, о числе. Начинает он с арифметики, потом переходит к геометрии, затем к стереометрии, к астрономии и музыке, и говорит при этом, как такое поворачивание души происходит с помощью *логоса*. А по поводу того, что он обращается к этим пещерным людям, о которых упоминает Хайдеггер, он говорит сначала, что к ним вообще невозможно подступить, они тебя просто убьют и правильно сделают, поскольку ты сам ничего не понимаешь, если начинаешь их тормозить, развязывать и освобождать от пут. У них у самих есть тот глаз-душа, ко-

торый должен открыться, повернуться к бытию. Это умная часть души, которая к этому бытию поворачивается, причем вместе со всей пещерой, подобно глазу со всем телом, (фрагмент 518c). Но дело в том, что этот фрагмент считается иногда третьим упоминанием Платоном анамнезиса, то есть воспоминания души с помощью диалектической процедуры, во время которой душа сама просыпается. Такое пробуждение возникает как невозможность придерживаться прежних своих представлений, как вынужденный отказ от них и побуждение к поиску, скажем так, природного влечения своей души. В *Федре*, это второе упоминание об анамнезисе, Сократ говорит о болезненном росте оперения души как о пробуждении этого природного желания-влечения. То есть первое упоминание об анамнезисе у Платона в *Меноне*, затем следует анализ этого «учения» в *Федоне* в качестве неудачного аргумента бессмертия души. Потом наш пример из *Государства* и в виде притчи-метафоры в *Федре*. Вот *логос* и *анамнезис*, которые и пробуждают душу, поворачивая ее к бытию. И не с помощью запугивания. Тут должна возникнуть личная, даже бытовая необходимость для такого поворота, потому как иначе он жить теперь не может. Скажем, Алкивиад. Ему неловко, стыдно, когда он видит Сократа, он избегает его, как мы знаем из его речи в *Пире*. Сократ для него — источник беспокойства...

А. Михайловский: Или как скат электрический... Так вот к вашему вопросу, к вопросу связи *логоса* и *пайдейи*... Мы помним, кто из философов христианских называл логос педагогом, помните? Это Климент Александрийский. У него есть книга, которая называется «Педагог», где он христианский *Логос*, то есть того, кто был у Бога и кто был Бог: (Ин 1:1), вторая ипостась, Бог-Сын, — Климент считает, что этот логос есть детоводитель душ язычников и иудеев к Богу истинному. То есть если у греков Логос действовал через философию, через Платона, то у евреев Логос действовал через наставления Моисея. Платон учился у Моисея, как мы знаем, и одним и другим руководил Логос. В итоге язычники и иудеи должны оказаться в лоне христианства. Вот вам связь Логоса с педагогикой.

Для проблематизации *пайдейи* Хайдеггеру важно открыть глаза на ту нужду, в которой мы ввергнуты техникой. Очевидно, что этот текст Учение Платона об истине в сборнике Wegmarken... я понимаю, что о технике в 30—31 гг. не говорилось, скорее всего, это поздняя вставка. Этот текст здесь в более широком контексте представлен, и для Хайдеггера действительно чрезвычайно важно показать, что техника есть забвение бытия. Мы это должны пережить, это наша судьба, судьба европейского человечества. И только пережив ее, осознав всю глубину той

нужды, в которую мы ввергнуты, покинутость человека среди сущего, обезбоженность современного человека, мы можем продуктивно поставить вопрос о бытии, то есть преодолев боль, страдания, отрешенность, мы снова можем обрести полноту истины и полноту бытия. В общем, вот такой несколько религиозный пафос, эсхатологический. Мне кажется, что этот последний абзац был дописан позже.

А. Романов: Но это только заявление о проблематизации, а где она сама? То, что в этой нужде необходимое условие, это да. А теперь надо, чтобы у читателя возникла эта самая нужда.

А. Михайловский: Нет, нужно все-таки читать этот текст, я уже сказал... это ведь часть книги. Книга начинается с замечаний к книге Ясперса *Психология мировоззрений*, (1919–1921 год), это один из ранних текстов Хайдеггера. «Феноменология и теология», известный текст 1927 года, где Хайдеггер разносит в пух и прах такое словосочетание, как «религиозная философия». Он заявляет, что онтоотеология — это нечто вредное. Критика онтоотеологии, учения о Боге как о высшей сущности, как о высшей ценности. По Хайдеггеру, это неправильно. Это следующий шаг после Платона, который превращает Бога в *summun bonum*, в высшее благо, высшую сущность, высшее *ens*, высшее бытие, в высшую ценность. Дальше текст *О сущности основания, О сущности истины, Учение Платона об истине, О сущности понятия фюзис по Аристотелю, Письмо о гуманизме, К вопросу о бытии*, 1955 год. Этот текст как раз посвящен юнгеровскому *Рабочему. Гегель и греки, Тезис Канта о бытии*. Вот они все, тематически. Это разные статьи разных лет. Вот полная книга *Wegmarken*.

Но Бибахин сделал сборник статей Хайдеггера разных лет, который не отражает... а это статья из книги, которая может рассматриваться как часть книги, то есть Хайдеггер не просто сборник статей издал, он ее задумывал как монографию. Так же, как *Holzwege* — это не просто сборник статей. Он задумал ее в 60-е годы, собрал из разных источников, переработал свои ранние статьи и собрал их в книгу, она была единственным высказыванием для Хайдеггера. Ни один

«сборник» Хайдеггера не переведен целиком как книга. Хотя это большое упущение для русского хайдеггероведения, это безобразие. У нас есть несколько сборников работ Хайдеггера. Самый ранний — *Разговор на проселочной дороге*, бездарно подготовленный сборник. Потом сборник Бибахина *Время и бытие*, очень хороший по качеству перевода, мне он очень нравится, в отличие от *Бытия и времени*, это статьи, переводы которых Бибахин публиковал в «Вопросах философии» в конце 80-х годов, это сборник Александра Викторовича Михайлова, *Работы разных лет*, там *Исток художественного творчества*, билингвальное издание. Потом выходила книжка о Гёльдерлине, сборник статей, и отдельная книга *Бытие и время*, издано О существе основания, изданы ранние курсы лекций *Основные понятия феноменологии*. Но эти послевоенные сборники, важнейшие для понимания позднего Хайдеггера, не изданы как книги, хотя в Италии они переведены именно как книги. А у нас они, важнейшие тексты Хайдеггера представлены отрывочно.

А. Романов: Александр, а эти статьи на русский все переведены или только частично?

А. Михайловский: Не все, и они переведены и публиковались в разных изданиях, но о самом отношении к Хайдеггеру это говорит. А то «Хайдеггер, Хайдеггер!», а текстов у нас аутентичных мало. Они должны быть изданы как отдельные книги. А не так, что одну статью перевел Бибахин, другую Женя Борисов, третью Татьяна Васильева, четвертую еще кто-то перевел... А чтобы один переводчик сделал одну книгу Хайдеггера под названием *Holzwege* или книгу Хайдеггера под названием *Wegmarken*, это очень важно. С чем это можно сравнить? Например, книги *Государства* Платона в разное время создавались, мы знаем. А тут бы в одном переводе издали одну книгу, в другом другую, и один бы перевод в журнале *Вопросы философии* опубликовали, другой в журнале *Логос*, третий там еще где-то. И Платон бы у нас получился странный такой.

У нас нет издания Хайдеггера. Мы поняли, что этот текст, *Platons Lehre von der Wahrheit*, — вообще-то часть книги, а не отдельная статья. Может быть, с этого надо было начинать.